

Шу Нин, улыбаясь, быстро подошел ближе:

— Мама! Я вернулся.

Он был похож на послушного ребенка, соскучившегося по матери. Когда Цинь Юйчжо, к своему удивлению и радости, обрадовалась его возвращению, он нарочно сделал грустное лицо:

— У меня возникли проблемы на вилле дяди. Тетя и вторая тетя обе хотят завладеть ею!

Цинь Юйчжо продолжала улыбаться:

— Правда?

«Ты отлично разыгрываешь роль, но я не позволю тебе наслаждаться этим».

— Эх, это долгая история. Тетя каждый день устраивает скандалы на стройке, дяде совсем не живется. У второго дяди перелом, он в больнице, а тетя бросила троих детей на дядю... Дядя просто измучен. К тому же адрес виллы стал известен. Мам, ты же знаешь, дядя такой честный и добрый, что даже боится там оставаться. Он хочет поговорить с папой, чтобы вернуть виллу, он не может ею пользоваться.

«Конечно, он не может ею пользоваться. С какой стати я, Цинь Юйчжо, должна покупать ему дом?».

Но это не главное. Хотя вилла и причиняла ей боль, но если это касалось Шу Чэна, то нельзя было не обратить на это внимания:

— Цинь Юйфу умеет хранить секреты и работает на отдаленной стройке в городе F. Как они в деревне могли узнать об этом?

— Рабочие рассказали, когда вернулись в родные края. Новость разлетелась мгновенно.

Да, в деревне все друг друга знают, и никаких секретов нет. Цинь Юйчжо почувствовала головную боль, и в желудке снова начало подташнивать. Её румяное лицо постепенно бледнело:

— Ты только что вернулся, наверное, устал после нескольких часов в дороге? Иди наверх, полежи немного, вечером я сама приготовлю тебе что-нибудь вкусное.

«Какие теплые слова... А ты знаешь, что я люблю?».

Шу Нин улыбался, зная, что Цинь Юйчжо уже на пределе:

— Проблему с дядей нужно решить как можно скорее. Две дочери второй тети перерыли виллу вдоль и поперек, а когда уходили, даже мобильный телефон прихватили. Такая жадность беспокоит меня, я боюсь, что они найдут папу... Как нам тогда быть?

Репутация будет разрушена. Лицо Цинь Юйчжо уже побелело:

— ...

Её тошнило.

— Дядя говорит, что они не придут к тебе, но я в этом сомневаюсь. У несчастных всегда есть отталкивающие черты. Они привыкли жить за чужой счет, разве они откажутся от такого сокровища?

Плохое настроение вредно для беременности. В обычное время Цинь Юйчжо не обратила бы на это внимания, но сейчас она была особенно чувствительна: легко раздражалась, быстро уставала, хотела спать, теряла аппетит, а её мучила тошнота и рвота. Эти реакции причиняли невыносимые страдания. Цинь Юйчжо слегка наклонилась, прикрывая рот рукой:

— Я только что пообедала и еще не почистила зубы. Не беспокойся об этом, я все уладишь. Иди отдохни, ты выглядишь не очень хорошо.

Шу Нин все понимал и не хотел слышать ничего неприятного. Он развернулся и ушел.

Тошнота усилилась, и Цинь Юйчжо, больше не в силах говорить, увидела, как фигура Шу Нина исчезла на лестнице, прежде чем она, с трудом сдерживаясь, побежала в ванную... Её стошнило.

Шу Нин всегда вел себя безобидно, и Цинь Юйчжо даже не подозревала его. Её взгляд был полон злобы, с красным оттенком, она готова была разорвать этих двух бесполезных женщин, которые только мешали. В то время она действительно пряталась дома, вынашивая ребенка, и все обиды смягчались нежным взглядом матери.

Но эти две женщины, в самый разгар праздников, пришли без ничего, ели, пили и брали все, что хотели, унижая Цинь Юйчжо, называя её бесполезной и говоря, что ей лучше умереть.

Мать поругалась с ними, но они не только не раскаялись, но и, выйдя за дверь, распространили слухи, что младшая сестра в городе брошена парнем и теперь, беременная, сидит дома. Слухи ранят больше всего, и плохие новости распространяются быстро. Всего через две недели мать уже не могла выходить из дома.

Почему?

Потому что слухи были слишком ужасны. Говорили, что её совратил какой-то мужчина, что она в городе не училась, а была проституткой, что она содержанка, а некоторые утверждали, что её изнасиловали, и она не могла сделать аборт, поэтому прячется дома. Репутация молодой девушки была полностью разрушена.

Цинь Юйчжо даже ночью просыпалась от плача матери. В конце концов, она была вынуждена уехать, чтобы мать не страдала из-за неё. Но быть одинокой матерью было слишком сложно, и она боялась, что её обнаружат. Цинь Юйчжо, подавив совесть, отправила ребенка в деревню, чтобы избежать проблем. Как раз вернулся Цинь Юйфу, который был настолько глуп, что принял ребенка сестры как своего собственного сына.

Сейчас, вспоминая ту боль, которая до сих пор жила в её сердце, Цинь Юйчжо закрыла глаза и подумала о нежном взгляде матери. Она очень сожалела! Очень, очень сожалела, что не смогла быть рядом с ней, ухаживать за ней в болезни. Если бы время можно было повернуть назад, Цинь Юйчжо знала, что все равно выбрала бы остаться рядом с Шу Чэном, ожидая возможности.

Тех дней она больше не хотела. Она должна была добиться успеха, чтобы её потомки жили в богатстве, даже если ей придется терпеть лишения и трудности.

— Мама, прости.

Цинь Юйчжо, стоя на коленях у унитаза, впервые дала волю своим эмоциям и заплакала.

Шу Хэн прибыл в родовое поместье к вечеру. В это время Шу Нин возился с компьютером. Днем он купил новые акции, и теперь кошелек был пуст, но настроение было хорошим. Мужчина не может быть без дела. Установив пароль, он позаботился о безопасности, скрыв то, что нужно скрыть, и показав то, что нужно показать. Ему всего тринадцать, и он установил несколько игр для вида.

Шу Хэн беззвучно стоял сзади, слегка приподняв бровь. Неудовольствие. Договорились о дополнительных занятиях, а он устанавливает игры? У него есть время на учебу? В любом случае, репетитор уже найден, и учиться придется.

Теплый воздух обдувал шею, Шу Нин непроизвольно вздрогнул, с удивлением оглянулся и посмотрел вверх. Шу Хэн стоял так близко, что можно было разглядеть каждую его ресницу:

— Брат, ты вернулся.

— Угу, весело?

Эээ... Шу Нин...

— Ты отвлекаешься от учебы.

— Я знаю!

Дети всегда такие: скажешь пару слов, и они уже раздражены. Шу Хэн внезапно почувствовал себя лучше. Он поднял руку и, к удивлению Шу Нина, положил её на его голову, начав гладить и нарочно делая прическу похожей на гнездо. Шу Хэн сохранял каменное выражение лица, но внутри был доволен. Даже самого непослушного ребенка можно приручить:

— Будь хорошим.

— Брат! Шу Нин выглядел обиженным. Можно ли перейти на нормальный режим общения? Ты меня пугаешь, знаешь?

— Завтра в девять начинаются занятия, вечером я отправлю тебе расписание. У тебя еще нет почты? Я научу тебя.

— ...

Шу Хэн протянул руку, поднял Шу Нина и усадил его на колени, одной рукой обнимая, а другой управляя мышкой. Его взгляд был сосредоточен, словно между ним и компьютером ничего не было.

«Я что, кукла? Кукла? Кукла, да?».

Оцепеневший Шу Нин долго не мог прийти в себя, но в конце концов сдался, не издав ни звука protesting. Почта... В прошлой жизни у него была, и пароль до сих пор хранился в памяти, он не мог его забыть. Теперь он, конечно, не сможет получить тот же номер, но это не было большой потерей. Просто он вдруг почувствовал себя немного растерянным. Оглянувшись на сосредоточенное лицо брата, он немного успокоился. Говорят, что мужчины, занятые работой, выглядят особенно привлекательно, и это правда.

Шу Хэн был очень красивым, с неземной аурой. Его черные глаза были глубокими и пронзительными, а взгляд — острым.

Сердце Шу Хэна начало биться быстрее. Маленький брат не обращал внимания на то, что он делает, а вместо этого смотрел на его лицо. Что он задумал? Как мило. Шу Хэн был уверен, что на его лице ничего не было, но он почувствовал легкое волнение. Рука, обнимающая за талию, скользила вверх по спине, поглаживая мягкие волосы, и он наклонился вперед.

Шу Нин непроизвольно прижался к шее брата, а рука на затылке не собиралась убираться, изредка двигаясь, словно он гладил питомца!

В одно мгновение Шу Нин «взорвался», изо всех сил толкая грудь Шу Хэна. Его лицо покраснело!

— Что случилось?

— Я...

— Угу?

«Ты с холодным лицом спрашиваешь, а сам продолжаешь гладить... тьфу, волосы! Эээ...».

Создать почту было легко, и это уже было сделано, так что Шу Хэн использовал обе руки, чтобы удержать сопротивляющегося Шу Нина, одной рукой обнимая за талию, а другой фиксируя ноги. Движения были плавными, без малейшего раздражения, что только подчеркивало беспомощность Шу Нина. Шу Хэн пристально смотрел на малыша, пытаясь понять, что он задумал.

— Я уже не маленький.

Братская любовь — это хорошо, но не надо обнимашек!

— Ты не любишь быть близко со мной?

— Нет.

«О боже, только бы он не понял меня неправильно, иначе все мои усилия пойдут прахом». Взгляд Шу Нина мгновенно стал жалобным и невинным:

— Я люблю брата.

— ...

<http://bllate.org/book/16573/1513628>